

Уроки маэстро

Ученик о своем учителе В. Г. Молла

Гировская О.

Моя первая встреча с Валерианом Гаэтановичем Молла (сыном известного в Таганроге в прошлом веке музыканта и педагога Г. Молла) произошла в общеобразовательной школе, после реорганизации гимназии, на уроках хорового пения, которое он преподавал. Мне тогда было 10 лет.

Весь необыкновенный облик Валериана Гаэтановича и пронизательный взгляд его больших темных глаз, обрамленных пенсне, произвели на меня особое впечатление. На уроках его от смущения и страха я боялась открыть рот, Валериан Гаэтанович обратил внимание на то, что я молчу, неожиданно встал из-за рояля, подошел ко мне и сказал: «Девочка, открой рот, с закрытым ртом не поют». И при этом поднес к моему рту два пальца правой руки. Я от страха чуть не упала. Так Валериан Гаэтанович оказался моим первым учителем пения.

Насколько помню, Валериан Гаэтанович недолго вел класс хорового пения. В последующие годы был другой преподаватель, по специальности скрипач. Фамилию его я не помню.

В юные годы я и мои близкие сверстницы были постоянными посетителями симфонических концертов в городском саду. Оркестром дирижировал В. Г. Молла. Концерты в то время (20-е и 30-е годы) проходили в оркестровой раковине с замечательной акустикой, которая давала возможность музыке доноситься в город за несколько кварталов без каких-либо усилителей, искажающих естественное звучание инструментов. Почему-то это раковину потом снесли и заменили ее нынешним Зеленым театром.

В то время программы концертов были интересные, составлены с большим вкусом. Затем концертам стали предшествовать вступительные лекции лектора Е. Ф. Гировского. Слушать эти лекции и концерты было истинным наслаждением. Публика очень активно посещала их.

Хочется сказать о руках Валериана Гаэтановича, которые были у него на редкость пластичные и красивые. Движения их во время дирижирования дополняли восприятие музыки.

В свободное время мы старались посещать днем репетиции оркестра. На зимний сезон оркестр сокращался в связи с отъездом приезжих музыкантов и в своем малом составе под управлением Валериана Гаэтановича сопровождал в то время немые фильмы в кинотеатре «Великий немой» - ныне «Рот фронт».

В 1935-1936 учебном году в Таганроге было открыто музыкальное училище. На первом приеме в него я была зачислена в число студентов на вокальное отделение и с этого времени стала одной из учениц Валериана Гаэтановича по курсу гармонии, который он вел. Этот очень серьезный и сложный предмет Валериан Гаэтанович преподавал интересно и увлекательно. Обладая юмором, он иногда как бы вкрапывал его при изложении материала, отчего предмет становился еще интереснее.

В музыкальных учебных заведениях в то время пользовались учебниками Н. А. Римского-Корсакова (Валериан Гаэтанович был его учеником по классу композиции во время своего обучения в Петербургской консерватории), и задачи по гармонии часто давались из этого учебника.

Когда Валериан Гаэтанович писал на доске задание на дом, он часто говорил: «Это по Римскому-Корсакову». Один раз писал задачу молча, я спросила: «Это тоже по Римскому-

Корсакову?». Он ответил: «Нет, это по Моллу». Все радостно откликнулись (он давал и свои задачи).

Когда Валериан Гаэтанович проверял домашнее задание, в случае сделанной ошибки он мягко, с большим тактом указывал на нее и всячески помогал ученику разобраться. Он всегда был сдержан и мажорно настроен. Мы все, его ученики по гармонии, с радостью шли на этот урок.

Со второго семестра второго курса музыкального училища я начала заниматься у Валериана Гаэтановича как концертмейстера, т. е. проходила с ним программу вокальных произведений для концертов.

Для нас, студентов-вокалистов, было счастьем заниматься у такого музыканта. Настоящий концертмейстер – это эрудированный музыкант, художник, который помогает исполнителю, учит его, работая над тем или иным вокальным произведением.

Работать над вокальными произведениями с Валерианом Гаэтановичем было истинным удовольствием. Все исключалось, кроме музыки и поэзии.

Для концерта мы готовили романсы Римского-Корсакова «О чем в тиши ночей», «Скажи, зачем», Глинки – «Сомнение» и Чайковского – «Растворил я окно». В этом романсе учитель заставлял почувствовать благоухание цветущей сирени и услышать пение соловья, а не петь этот текст механически.

В связи с «Сомнением» Глинки запомнился эпизод, который меня очень взволновал. Когда я спела фразу «Минует печальное время, мы снова обнимем друг друга, и страстно, и жарко забьется воскресшее сердце, и страстно, и жарко с устами сольются уста», Валериан Гаэтанович быстро, сердито закрыл ноты, встал и направился к дверям, произнося следующие слова: «Я здесь с вами работаю, а вы к какому-то стремитесь», потом, засмеявшись, вернулся и сел за инструмент. В первый момент, т. е. когда он, закрывая ноты, направлялся к дверям, у меня возник испуг: что я могла допустить, чем могла его обидеть? Чем вызвала такую реакцию? Но, увидя его смеющимся, я успокоилась.

Сценку эту он разыграл замечательно и после моего волнения приятно было услышать: «Вы пели хорошо». На один из следующих уроков Валериан Гаэтанович приносит рукописные ноты и говорит: «Вот, Олечка, я написал для вас романс, вы его, конечно, спете?». Что может быть приятнее и ценнее для исполнителя написанного для него произведения!

Можно ли было предположить в то время, когда на уроке в школе Валериан Гаэтанович заставил меня открыть рот для пения, что пройдет время, и он будет аккомпанировать мне как певице и напишет для меня романс?..

Вспоминается случай, о котором хочется рассказать.

Это было на симфоническом концерте в парке. В антракте библиотекарь оркестра ставил на пюпитры ноты для следующего отделения. Мы пошли за кулисы к Валериану Гаэтановичу, там были и другие знакомые музыканты. В разговоре с Валерианом Гаэтановичем я спросила у него: «Предполагается ли в ближайшее время исполнение оркестром некоторых произведений – «Фингаловой пещеры», вальса «сказки Венского леса?».

Валериан Гаэтанович ответил: «Надеюсь, скоро услышите».

После второго звонка мы вернулись к публике, и я заметила, что библиотекарь что-то долго возится с нотами.

Перед началом второго отделения объявляется программа, называются произведения, о которых я спрашивала у Валериана Гаэтановича. Я была поражена и глубоко благодарна. Какая уважительность со стороны Валериана Гаэтановича к желанию слушателя! Желание сделать приятное, доставить удовольствие!

В конце осени Валериан Гаэтанович серьезно заболел. Узнав о его тяжелом состоянии, я пошла его навестить. Он был очень обрадован моему приходу. Интересовался жизнью училища, городскими новостями. В разговоре с ним чувствовалось, что он чем-то обижен и произносил слова: «Молла мешает», с горечью поделился со мной нанесенной ему обидой. Он говорил мне: «Вы знаете, Олечка, ко мне обратились из Ростова, чтобы я продал свою

оркестровую библиотеку (она у него была большая), а я им ответил: «Пока Молла жив, библиотека не продается». Какая это была бестактность и жестокость, узнав о болезни владельца библиотеки, обратиться к нему с подобным предложением!

Когда я уходила от него, он сказал: «Ничего, Олечка, я поправлюсь, и мы с вами еще попоем». Увы, это была наша последняя с ним встреча. Через несколько дней Валериана Гаэтановича не стало.

В декабрьский день суровой зимы 1938 года (были большой мороз, метель и сильный ветер, у оркестрантов примерзали губы к инструментам) провожали в последний путь замечательного человека и музыканта.

ЦГТБ имени А. П. Чехова